

Когаловский Сергей Рувимович

В глубоком тылу, в Сибири, люди в годы войны жили не столь тяжело, как в прифронтовой зоне, а тем более - на оккупированной немцами части страны. В свои семь я многое не осознавал, но видел, слышал, запоминал, переживал. Понимание пришло позже. Всё, что происходило тогда в моей семье, в жизни страны, сказалось на мне существенным образом, в первую очередь на формировании гражданской и этической позиции.

Родился я в городе Барабинске Новосибирской области. Моя мать, Фаина Михайловна Евельсон, родом из Брянской области. Она работала учительницей младших классов. Однажды по дороге из школы провалилась под лёд, произошло переохлаждение организма, у неё развился ревматизм, и позднее, когда мы жили в Кемерове, работу в школе ей пришлось оставить. Однако в годы войны её как члена партии привлекли к работе в народном суде. Отец, Рувим Моисеевич Когаловский, тоже родом из Брянской области. Он вырос в многодетной и довольно бедной семье. Закончил два факультета Ленинградского университета – юридический и экономический. Помню, он рассказывал, что в пору студенчества прятал локти, потому что протерлись рукава материнской кофты, в которой он ходил... Работал в Кемерове прокурором города. Потом, когда город обрел статус областного центра, его назначили первым заместителем областного прокурора.

О самых ярких воспоминаниях детства... Помню, в четыре года я любил листать журналы матери «Начальная школа». Но меня возмущало то, что ни на одной картинке в них не был изображен начальник. В детском саду у меня не раз возникали коллизии. Я был непослушным, к тому же поступал иногда непривычно для воспитателей (как именно – не помню). И это вызывало довольно болезненную для меня их реакцию.

Старший брат ходил с друзьями на рыбалку на реке Томь и часто брал меня с собой. Мне было интересно слушать, видеть их эмоции. Воспринимал их как умных, веселых, органичных, красивых людей, и хотел стать таким, как они. Ещё помнится, как мы, мальчишки катались на коньках при 42 градусах мороза. Родители страшно беспокоились, а мы мороза не замечали. Не забыть первой глубоко испытанной мною трагедии. В нашем многоквартирном доме жил мальчик, которого трудно было не любить. И он утонул. Мы с друзьями пришли попрощаться с ним. А на следующий день в детском саду было музыкальное занятие. И долгое время исполнявшаяся на этом занятии жизнерадостная музыка вызывала у меня глубокую печаль.

Я часто болел, и в эти дни отец или старший брат читал мне стихи Тютчева, Фета и, конечно, Пушкина. Помню, лежу с высокой температурой и слушаю: «Я пришёл к тебе с приветом рассказать, что солнце встало...» В том возрасте, в том состоянии я воспринимал стихи особенно остро. Это, конечно, способствовало формированию тяги к поэзии, а с ней и тяги к поэтическому творчеству.

Помню, с каким вниманием, с какой озабоченностью незадолго до начала войны родители слушали последние известия. Помню и частые обсуждения взрослыми людьми последних известий на улице. А я недоумевал – почему «последние», разве известий больше не будет?

Начало войны в моей памяти – это и тревога родителей о родных, оставшихся в Брянской области, и осунувшиеся лица людей, их внутреннее преобразование.

Война изменила дух и взаимоотношения людей. Они стали озабоченнее, собраннее, сосредоточеннее. Многие пропадали на работе днями и ночами. В городе появилось много эвакуированных. Вид у них был измотанный, было понятно, что они голодали. На лицах

многих людей, в том числе соседей по дому, особенно женщин, часто читалось горе, принесенное похоронками.

Однажды в 42-м году нам пришло письмо. Я его прочитал. Там было написано, что погибла моя бабушка по материнской линии, которая оказалась в гетто. Её и других узников пошли выручать, будучи в партизанах, брат и сестра мамы, но их поймали и расстреляли, а бабушку убили вместе со всеми теми, кто оказался в гетто. Письмо от матери я спрятал, но позже она его нашла. Отец утешал её как мог.

Отец хотел отправиться на фронт, но его не взяли, потому что он незадолго до этого перенёс инфаркт. И врачи, и вышестоящие руководители решили, что больше пользы он принесёт стране на том месте, где работает. На службе он пропал с утра до ночи. Мать стала народным судьёй. И мы большей частью оставались в доме без родителей.

Газеты были источниками сильных и тяжелых впечатлений. Я с ужасом разглядывал фотографии, читал о зверствах врага. Помню и то, как отец приходил с работы поздно ночью и включал радио, чтобы мы слышали, как салютует Москва в честь освобождения от фашистов очередного нашего города.

Мы, мальчишки, боготворили Сталина. Я и стихи о нём писал. С началом войны мы повзрослели. Нам уже было почти 7 лет. И не один раз мы озабоченно думали, что произошло бы, что стало со всеми нами, со страной, если бы Сталин умер. Но тут же спешили успокоить себя: «Нет, это не может, не должно произойти. Ведь Сталин особенный человек». В играх, когда по правилам дрались один на один, появились роли Гитлера и Сталина. Конечно, неуютно чувствовал себя тот, кому выпадало играть роль фюрера, а значит, стать побежденным.

За день до 9 мая 1945 года меня выписали из больницы, куда попал с двусторонним воспалением лёгких. Ходил ещё качаясь от слабости. Помню всеобщую радость от известия о победе. Какой-то дяденька обращается ко мне, сопляку: «Война окончена! Мы победили!» С самолёта сбрасывали листовки с поздравлением с победой, и мы, мальчишки, ловили их. Дома родители устроили праздничный ужин. Мама напекла пирогов, на столе оказалось вино. По чуть-чуть дали и детям. Были слёзы по погибшим родным, по бабушке, её сыне и дочери. У сестры отца было два сына. Один погиб, а второй вернулся с фронта тяжело контуженным, больным человеком. У брата отца, воевавшего на фронте, жена с двумя маленькими детьми ушла в партизаны. Дети их погибли. Я уж не говорю о более далеких родственниках, среди которых тоже есть погибшие...

19 октября 2022 г.